

рошее впечатление, некоторые недостатки не умаляют ее достоинств. К упомянутым выше можно добавить несоразмерность глав (2 глава — 53 параграфа, 123 с.; 3 глава — 11 параграфов, 47 с.; 5 глава — 3 параграфа, 63 с.), отсутствие единства в передаче представляемого лингвистического материала (транскрипция на основе латиницы, на основе русской графики, по нормам современного литературного письма), сложность системы внутренних ссылок. Есть и спорные моменты, например, включение признака прошедшего времени *-и-* (*-ы-*) в формах типа *кундынь 'я поймал'* в состав личного аффикса (с. 68).

Видимо, можно найти неувязки в представлениях автора о древнемордовском вокализме (по его мнению, в прамордовском языке не было фиксированного ударения и редукции гласных — § 85). Но эти спорные места отнюдь не являются слабыми местами работы.

Успешное решение Д. Т. Надькиным поставленных проблем, особенно глагольной основы в синхроническом и диахроническом плане, позволяет квалифицировать его работу как достижение в финно-угорской лингвистической науке.

Д. В. ЦЫГАНКИН (Саранск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1983.1.15>

V СИМПОЗИУМ ПО ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

30 августа — 2 сентября 1982 года в Финляндии, в городе Ювяскюля, прошел очередной симпозиум ученых Советского Союза и Финляндии по прибалтийско-финской филологии (I состоялся в 1971 году в Хельсинки, II — в 1973 году в Таллине, III — в 1977 году в Хельсинки, IV — в 1979 году в Петрозаводске).

Выбор места проведения симпозиума, очевидно, не был случаен. Ювяскюля — это старый культурный центр. В середине XIX века здесь были основаны первые в Финляндии средние учебные заведения с обучением на финском языке: мужской лицей в 1858 году и женский несколько позже, а также в 1863 году учительский семинар, который в 1934 году стал педагогическим институтом. В 1966 году на базе этого учебного заведения был основан университет.

Как по числу докладов, так и по количеству участников симпозиум в Ювяскюля превзошел все предыдущие. На пленарных и секционных заседаниях было зачитано 68 докладов. Из Советского Союза в симпозиуме приняли участие 32 человека (из них 17 из Таллина, 10 из Петрозаводска, 3 из Тарту, по одному из Москвы и Сыктывкара). С финской стороны на симпозиуме были представлены все города, располагающие университетами и научными лингвистическими учреждениями: прежде всего принимающий город Ювяскюля, затем Хельсинки (с самым большим числом участников), Турку, Оулу, Тампере, Йюэксуу.

Работа была организована следующим образом: 4 пленарных заседания (всего 7 докладов), секция лингвистики (7 заседаний, 32 доклада), секция фольклора (16 докладов), секция литературоведения (13 докладов). Продолжительность докладов на пленарных заседаниях 30 минут, в секциях — 20 минут. Участники предварительно получили брошюру с тезисами докладов. Для обсуждения каждого доклада предусматривалось не более 10 минут.

Открыл симпозиум председатель организационной комиссии профессор финского языка Ювяскюляского университета Хейкки Лескинен. Он познакомил собравшихся с историей Ювяскюляского университета. Церемонию открытия завершил ректор Ювяскюляского университета профессор Мартти Такала.

Здесь будет рассмотрена только тематика лингвистических докладов, которая на этот раз в основном концентрировалась вокруг лексикологии и грамматики (прежде всего синтаксиса) прибалтийско-финских языков. Третью большую группу составили проблемы упорядочения языка и культуры речи.

Большинство докладов прямо или косвенно касались лексики. На пленарном заседании, открывшем симпозиум, выступил Терхо Итконен (Хельсинки) с докладом на тему «Туман» и «облако» в перспективе Европы». Доклад базируется на материале всех языков Европы, послужившем основой составления карт Лингвистического атласа Европы по распро-

странению слов, выражающих соответствующие понятия. Согласно Т. Итконену, в языках Европы имеется более 100 слов, обозначающих туман, некоторые из них весьма старые. В уральских языках одно из древнейших обозначений тумана — венг. *köd*, имеющее соответствие в самодийских и удмуртском языках, а также прибалт.-фин. *sumi* (соответствия в саамском и мордовских языках). Карта слов со значением 'облако', по Итконену, не столь пестра. Старейшим среди прибалтийско-финских слов является, например, фин. *pilvi*, ведущее свое начало из языка. Венг. *homály* имеет соответствия в пермских языках, хотя значение 'облако' может быть, вторично. В самодийских языках доминируют производные от пра-самодийской основы **tiä*. Т. Итконен дал также подробный обзор семантического развития слов со значением 'туман' и 'облако'. В результате им получено для слов со значением 'туман' 23 исходных семантических типа, для слов со значением 'облако' — 14 таких типов.

Как бы непосредственным продолжением его стал доклад Хейкки Лескинена (Ювяскюля), который говорил о необходимости создания специального карельского лингвистического атласа, отметив, что в основу атласа может лечь материал Лингвистического атласа Европы. Дополнительно следует собрать данные, уже конкретно отражающие особенности карельского языка. Х. Лескинен подчеркнул здесь большое значение тесного сотрудничества с языковедами Советского Союза.

В трех докладах рассматривались ранние заимствования в прибалтийско-финских языках. Известный как хороший этимолог профессор германских языков Йорма Койвулехто (Хельсинки) на этот раз разбирал происхождение глаголов, обозначающих 'рассеивание, разгон' и 'посев'. На базе большого языкового материала он указал, что фин. *hajottaa* 'рассеивать' (а также *hajota*, *hajaantua* и др.) ведет свое начало от германской глагольной основы **sāja-*, а фин. *kylvää* 'сеять' — от древнегерманской основы *klewba*. Доклад Марии Зайцевой (Петрозаводск) был посвящен германским заимствованиям в вепсских диалектах. Исследователь отметила, что вообще в вепсском языке имеется более 100 таких германских заимствований, которые встречаются и в дру-

гих языках северной группы прибалтийско-финских языков. В вепсских диалектах же германские заимствования выступают отнюдь не равномерно. Около 75% этих заимствований наблюдаются во всех трех вепсских диалектах, остальные — только в одном или в двух. Ранние заимствования прибалтийско-финских языков рассматривал и Тийт-Рейн Вийтсо (Таллин), причем основное внимание уделил он заимствованиям славянского и балтийского происхождения. В докладе шла речь, например, о происхождении слов *haug* 'щука', *ahven* 'окунь', *rahvas* 'народ' и их прибалтийско-финских соответствий. Доклад вызвал оживленную дискуссию.

Два выступления были посвящены лексическим взаимоотношениям прибалтийско-финских языков. Доклад Эллы Адлер и Арво Лаанеста (Таллин, зачитал А. Лаанест) касался лексических связей водского и ижорского языков. В докладе Георгия Керта и Людмилы Маркиановой (Петрозаводск, зачитала Л. Маркианова) наряду с взаимоотношениями лексики карельских диалектов (а именно: собственно-карельского, ливвиковского и людиковского) и вепсского языка затронуты и отношения их с саамской лексикой. В докладе подчеркивалось, что вепсская лексика имеет определенные общие черты с лексикой ливвиковского и людиковского диалектов, в то время как лексические соприкосновения прибалтийско-финских языков и саамских диалектов носят более локальный характер.

Сеппо Сухонен (Хельсинки) анализировал лексику ливского языка. Рассматривалась та часть лексики, которая отсутствует в опубликованном в 1938 году словаре Лаури Кеттунена «*Livisches Wörterbuch*». Отсутствующую там лексику С. Сухонен при рассмотрении распределил на группы (всего 11). Одну из значительных не представленных в словаре групп составляют сложные слова, компоненты которых в словаре имеются, затем — исконные ливские глаголы с латышскими приставками, новейшие латышские заимствования и т. д.

К более общим лексическим темам можно отнести и доклад Мерле Лепник (Таллин) «Префиксальные антонимы в прибалтийско-финских языках». Анализируется такая префиксальная лексика, которая имеет антонимное по сравнению с

основным словом значение (напр. слова с эст. *eba-*, *mitte-*, фин. *epä-*, лив. *är- ~ äb-*, *bäss-* и т. п.).

Ряд докладов был связан с диалектами. В эту группу входит доклад Юлии Сюръяляйнен (Петрозаводск) «Названия картофеля в финских диалектах Ленинградской области». Докладчик зафиксировала в ингерманландских диалектах множество слов, обозначающих картофель. Большинство из них представляют собой заимствования или переводные заимствования из русского языка (*karitot*, *tarttu*, *kartoska*, (*mua*)*omena*, (*mua*)*muna*, *pulkka*), однако *potaatti* — шведского происхождения, а *peruna* — слово из финского литературного языка.

Отражение диалектной лексики в фольклоре центральной и северной Похьянмаа рассматривал Матти Пяяккёнен (Оулу). Диалекты анализировали также, правда, уже в аспекте грамматики, Тапани Лехтинен (Хельсинки) и Эви Юккам (Таллин). Тема первого — «О спряжении глаголов типа *heläjää* в восточнофинских диалектах», второй — «О похожем на шведский объекте в эстонских диалектах». Интересным по содержанию оказался доклад Кари Тойвиайнена (Хельсинки), посвященный одному типу сложных слов в прибалтийско-финских языках. В докладе отмечалось, что в финских диалектах имеется множество сложных слов, первый компонент которых образован с помощью суффикса *i* или *u* из двусложного корневого слова с основой на *-a/-ä* и в такой форме в языке самостоятельно не употребляется. Сюда можно отнести, например, сложные слова *seinivieri* 'край стены', *karjupiha* 'скотный двор'. В финском общепотребительном языке из соответствующих сложных слов известны *huhtikuu* 'апрель', *sikopaimen* 'свинопас' и некоторые другие. К. Тойвиайнен подробно проследил также происхождение соответствующих определительных компонентов и утверждает, что значительна здесь доля балтийских заимствований. Он высказал предположение, что сложные слова этого типа имелись и в других прибалтийско-финских языках, но в результате происшедшей синкопы этот тип утрачен. Сохранились якобы лишь единичные слова, в эстонском языке, например, *igivana* 'древний'.

Были и другие доклады, посвященные

проблемам лексики. Так, Тауно Сярккя (Ювяскюля) затронул вопросы богатства языка и способов его измерения. Существует мнение, что язык финской художественной литературы 60-х годов гораздо беднее, чем 50-х годов. Т. Сярккя отметил, что разные писатели и разные стили различаются по словоупотреблению. Однако все же нельзя утверждать, что язык современных писателей якобы «беднее». Аннели Паюнен и Улла Паломяки (Хельсинки) в своем докладе анализировали соотношения и различия произносимой речи и письменного языка.

Некоторые доклады по грамматике уже упомянуты при рассмотрении диалектной тематики. К области грамматики относился и доклад Рудольфа Карелсона (Таллин) «Проблемы отношений предлогов и послелогов с наречиями в эстонском языке». Айла Миеликяйнен (Ювяскюля) привела случаи несогласования 3 л. мн. ч. в финском разговорном языке (напр., *lapset tulee* букв. 'дети приходит' вместо *lapset tulevat*). Многие в том или ином аспекте затрагивали проблемы синтаксиса. Так, Аймо Хаканен (Турку) анализировал отношения синтаксиса предложения и синтаксиса текста. Мати Эрелт (Таллин) сделал доклад на тему «Идентификация и дефиниция членов предложения». Пезп Неввальтс (Таллин) говорил об условиях употребления номинатива и партитива для выражения подлежащего в эстонском языке. Языковую группу в целом охватил доклад Илкки Савиярви (Йозсуу), в котором автор дал обзор отрицательных конструкций; основное внимание уделялось словам, сопровождающим глагол отрицания и усиливающим отрицание (напр., эст. *mitte* в предложении *Mind ei rõhu mitte vererõhk* 'Меня совсем не давит давление крови' или *sugugi* в предложении *Polnud ju sugugi kindel* 'Совсем же не было точно'). Айме Кяхрик (Таллин) рассматривала возможности инверсии в южноэстонском диалекте.

Два доклада по фонетике были связаны с эстонским языком. Калев Вийк (Турку) озаглавил свой доклад «Синтез правил квантитета звуков эстонского языка»; опираясь на результаты измерений длительностей звуков таллинца Арво Ээка, он предложил свой синтез правил. Хилле Пийр (Таллин) говорила о распознавании дифтонгов эстонского языка.

Большое внимание на симпозиуме уделялось проблемам литературного языка, точнее орфологии и культуре речи. Два заседания почти целиком были связаны с данной тематикой. Тема доклада Пааво Пуллкинена так и была сформулирована: «Принципы культуры речи». Докладчик подробно изложил соответствующие принципы, разработанные в свое время Э. Н. Сетяля, А. Пенттиля и В. Таули. Со своей стороны, П. Пуллкинен считает, что в орфологии следует исходить из четырех более общих принципов: 1) ясность, 2) регулярность, 3) экономость, 4) естественность. Эско Койвусало (Хельсинки) поставил вопрос об употреблении полуофициального языка, который никак не следует путать с разговорным. Докладчик отметил, что полуофициальными следует считать выражения, используемые средствами массовой коммуникации, но не зафиксированные в качестве официальных норм; однако эти выражения не являются и просто разговорными (напр., в финском языке таковы выражения *ulkoministeri* при официальном *ulkoasiainministeri* 'министр иностранных дел', *budjetti* при официальном *tulo- ja menoarvio* 'бюджет'). Э. Койвусало отметил, что культура речи должна включать и внимание к полуофициальному языку; необходимо обсудить, что из него можно признать официальным. Нужно взвешивать и при составлении словарей вопрос о том, как целесообразнее представить в них полуофициальные слова.

Темой выступления Ристо Хаарала (Хельсинки) была «Общая культура речи и терминологическая работа». В докладе затрагивались те проблемы, которые возникают при приведении терминологии в соответствие с общеупотребительным языком. В любом случае полезно свести к минимуму различия между терминологией и общеупотребительным языком. В докладе Аннели Ряйккяля и Матти Вилппула (Хельсинки) анализировались финские относительные предложения — А. Ряйккяля с точки зрения культуры речи, М. Вилппула в аспекте объяснений, содержащихся в словарях. Еще два доклада о культуре речи: Марья Лехтинен (Хельсинки) «Улучшение языка официальных учреждений в аспекте культуры речи» и Лийса Хувинен-Нюберг (Хельсинки) «Учебные методы применения языка в области администрации».

Хенн Саари (Таллин) в докладе «Внутренний синтаксис современного эстонского языка» в совершенно новом аспекте коснулся проблем сложного слова и образования термина в современном эстонском языке. Паула Саяваара (Ювяскюля) говорила о моделях приспособления иностранных слов (и частично новейших заимствований) в финском языке.

От вышеперечисленной тематики несколько отличались два доклада: «О формализации правил переноса» Яана Росся (Таллин) — имеется в виду автоматический перенос, например, при фотонаборе; «О способе написания финских слов и их толковании в источниках и письменных памятниках XIII—XVI веков» Александра Баранцева (Петрозаводск).

Поскольку в 1985 году состоится в Советском Союзе, в Сыктывкаре, VI Международной конгресс финно-угроведов, в программу одного из пленарных заседаний был включен доклад о земле Коми, Сыктывкаре и о ходе подготовки к конгрессу финно-угроведов, сделанный директором Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР Николаем Рочевым. Н. Рочев отметил, что планируется участие в конгрессе 800 делегатов, половина из них ожидается из-за рубежа.

На закрытии симпозиума руководитель советской делегации Юрий Елисеев сообщил, что следующий подобный симпозиум предполагается провести в 1984 году в Советском Союзе.

Симпозиум в Ювяскюля был напряженным и деловым. Предусмотренных четырех дней едва хватило. Очень мало времени оставалось для обсуждений. Недостаток дискуссий компенсировали личные контакты ученых. У всех участников была возможность встретиться с коллегами и побеседовать по интересующим их темам и проблемам. В связи с симпозиумом состоялись три приема, которые были устроены Министерством просвещения Финляндии, городом Ювяскюля и Комиссией по научно-техническому сотрудничеству между СССР и Финляндией. Много интересных впечатлений оставила парокходная прогулка по озеру Пяйянне. В заключение необходимо подчеркнуть, что организаторы симпозиума в Ювяскюля хорошо подготовили его и успешно провели.